

Т. Н. ЗОЛотова
(Омск)

СВЯТОЧНЫЕ ТРАДИЦИИ СИБИРСКИХ УКРАИНЦЕВ

Аннотация. На основе этнографических материалов, собранных в районах компактного проживания украинцев в Омской области и Алтайском крае, автор реконструирует святочные обряды и обычаи, существовавшие у сибирских украинцев до середины XX в. Рассматривается семантика обрядовых действий, сравнивается сохранность традиций у переселенцев из различных губерний дореволюционной России.

Ключевые слова: сибирские украинцы, календарные обряды, святки, традиции, семантика.

Календарные традиции различных этносов вызывают неизменный интерес исследователей в связи с отражением в них религиозно-магических воззрений, хозяйственно-бытовой деятельности и социальной структуры общества разных исторических эпох. Святочная обрядность представляется наиболее интересной в этом отношении, так как достаточно многокомпонентна и полисемантична.

Традиционная культура сибирских украинцев начала изучаться сравнительно недавно — в конце XX — начале XXI в. Отдельные сведения по украинской истории и культуре были собраны этнографическими экспедициями Омского государственного университета и Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН в конце 1980-х — начале 1990-х гг., но публикации вплоть до конца 1990-х гг. были единичными [Реммлер 1995]. В начале 2000-х гг. появились первые монографические ис-

следования по календарным традициям восточнославянских народов (в том числе, украинцев) новосибирского этнографа Е. Ф. Фурсовой [Фурсова 2002, 2004].

Первая комплексная экспедиция по изучению украинских традиций была организована Сибирским филиалом Российского института культурологии в места компактного проживания украинцев в Одесский район Омской области в 2002 г. (под руководством автора). Материальную украинскую культуру в это время изучают омские музейеведы [Материальная культура украинцев 2004]. Несколько позднее сбор фольклорно-этнографических материалов по семейной обрядности сибирских украинцев начала Омская областная общественная организация «Центр славянских традиций», результатом чего стали сборник и статьи по свадебной обрядности украинских переселенцев [Куды, доню, собирается 2007; Сидорская 2009]. В конце 2000-х гг. нами публикуется ряд статей по календарной обрядности сибирских украинцев [Золотова 2008а; Золотова 2008б; Золотова 2009], и в это же время более активно к исследованию истории и культуры украинцев в Сибири подключаются омские филологи и томские этнографы и историки [Трофимчук 2009; Документ, музейный экспонат 2011]. Но в изучении традиционной культуры сибирских украинцев в целом и их календарно-обрядовой сферы в частности еще остается немало белых пятен.

Наше исследование основано на результатах этнографических экспедиций Сибирского филиала Российского института культурологии 2002—2009 гг. в Калачинский, Одесский, Павлоградский, Полтавский, Нововаршавский, Русско-Полянский, Тарский, Шербакульский районы Омской области,

Целинный район Алтайского края. Наша цель — ввести в научный оборот новые материалы по календарной обрядности сибирских украинцев — переселенцев начала XX в. из Полтавской, Черниговской, Харьковской, Таврической, Херсонской, Волынской губерний, Галиции. Рассматриваемые традиции относятся к позднему периоду сохранения традиционной культуры (1910-е — 1920-е гг.) и к началу ее трансформации и исчезновения (1930-е — 1950-е гг.).

Первые переселенцы с территории Украины появились на территории Сибири в конце XVI в. в составе казаков-первопроходцев. Основной же поток украинского крестьянства двинулся в Сибирь в конце XIX — начале XX в., что было связано с благоприятной переселенческой политикой правительства и строительством Транссибирской железнодорожной магистрали. Большинство украинских населенных пунктов на территории юга Западной Сибири было основано с 1890 по 1914 гг. Губернии, давшие наибольшее количество украинских переселенцев в Сибирь, — Полтавская, Харьковская, Черниговская, Киевская, Екатеринославская, Волынская, Таврическая, Херсонская. Украинцев в Сибири называли «рассейскими», поскольку для старожилов-сибиряков и русские, и украинские, и белорусские переселенцы конца XIX — начала XX в. мало различались между собой, являясь выходцами из России. Часто встречался экзотизм «хохлы», который постепенно превратился из обидного прозвища в эндэотизм. «Мы — хохлы, что значит сибирские украинцы», — приходилось нам слышать от украинских переселенцев.

Сибирские украинцы, как и русские сибиряки, началом календарного года считали Святки — период от Рождества Христова до Крещения Господня (25 декабря — 6 января)¹, когда необходимо было обеспечить благополучие на весь предстоящий год. Этим объяснялось сохранение многих магических обрядов и запретов (на «грязную» работу, прядение, потребление пищи в рождественский сочельник). К Рождеству обязательно белили и прибирали в доме, готовили праздничную одежду.

¹ Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

Встреча Рождества начиналась в рождественский сочельник 24 декабря. Весь день держали строгий пост и лишь после захода солнца, с появлением первой звезды, приступали к «вечере». Этот вечер еще носил название «святого» вечера, «богатой кутьи» (в некоторых местностях его называли также «щедрым вечером», как и вечер накануне Нового года).

Главным блюдом рождественской вечери считалась кутья (украинские названия — «кутя», «вечеря», «канун», у галицких украинцев — «пшэницэ»). «Кутью» варили в виде рассыпчатой каши из толченой в ступе пшеницы (чаще всего известного сорта «орловка», реже — из ячменя), провянной на ветру, с добавлением соли, а перед самой подачей на стол сверху выкладывали ягоды и фрукты из «узвара» (компота), наливали и «юшку» (жидкость компота). В «кутью» могли добавить мед или мак. В некоторых местностях было принято «квохтать» на кутью. Бабушка говорила внучке: «*Иды, попэрдэ и поквохчи, шоб куры водылысь*» (Зап. от Любови Яковлевны Сергиенко, 1940 г. р., с. Белоусовка, Павлоградский р-н, Омская обл. Соб. Т. Н. Золотова. 2008 г.) [ПМА. 2008. Т. 1]. У черниговских переселенцев, когда несли кутью на сено, дети сидели на корточках и «квохтали», подражая курочкам (Зап. от Ольги Ивановны Демченко, 1925 г. р., урож. д. Путиловка Шербакульского р-на Омской обл.), с. Максимовка, Шербакульский р-н, Омская обл. Соб. Т. Н. Золотова. 2009 г.) [ПМА. 2009. Т. 2].

Сохранился в Сибири обычай зывания Мороза «вечерить». После чтения молитвы хозяин дома перед тем, как начать есть, обращался с ложкой кутьи к Морозу: «*Морозэ, морозэ, ай-да кутью исты, шоб теля не змэрзли*» (Зап. от Валентины Николаевны Усольцевой, 1954 г. р., с. Царицыно, Калачинский р-н, Омская обл. Соб. Т. Н. Золотова. 2009 г.) [ПМА. 2009. Т. 1]. У полтавских переселенцев это делала женщина, хозяйка дома, которая выходила на улицу с блюдом кутьи и воткнутой в нее одной ложкой и проносила: «*Мороза, мороза, айда с нами вечерить!*» Затем заходила в дом и начинала есть кутью одновременно с мужем. Считалось хорошим предзнамено-

ванием, если кто-то из детей нечаянно чихал на крещенскую кутью. Тогда тот получал от бабушки овечку (Зап. от Марии Васильевны Волошиной, 1940 г. р., с. Жуковка, Русско-Полянский р-н, Омская обл. Соб. Т. Н. Золотова. 2008 г.) [ПМА. 2008. Т. 3].

В некоторых деревнях обычай зазывания Мороза вечером был перенесен на крещенский сочельник, когда после потребления кутьи, оставшуюся ее часть выносили курам (так делали в д. Максимовка Шербакульского р-на Омской обл.). Идентичным «зазыванию Мороза» является обряд приглашения в дом Христа, который существовал в Новосанжаровке (Русско-Полянский р-н Омской обл.) у полтавских переселенцев. В «святой вечер» (рождественский сочельник) хозяин дома стучал по углу дома и говорил: «*Иисус Христос идет в дом!*» С этого момента нельзя было ругаться. Он же стучал в дверь хаты изнутри три раза, перекрещивался и произносил: «*Иисус Христос, прошу тебя к нам!*» На «покути» (в красный угол под иконы) на сено клали рушник, на который ставили в чашке кутью, кувшин со взваром и клали калач. Все это оставалось нетронутым до Крещения, когда кутью и взвар отдавали собакам, поскольку считали, что «*собака всю беду выгавкает из дома*». Калач крошили курам, а сено из-под кутьи клали понемногу в гнезда, когда куры, утки, гуси начинали нестись (Зап. от Евгении Федотовны Орловой, 1925 г. р. (урож. д. Новосанжаровка), с. Жуковка, Русско-Полянский р-н, Омская обл. Соб. Т. Н. Золотова. 2008 г.) [ПМА. 2008. Т. 3]. Более подробно различные варианты этого обряда описаны нами ранее (см. [Золотова 2009]).

«Чувунки» (чугунки), глиняные «глэчики» (горшки) или макитры с кутьей, приготовленной с утра, на целый день ставили в красный угол («на покути») на расстеленную солому. Солому (или сено) подстилали также под скатерть на стол или под стол, объясняя это тем, что Христос родился в яслях на сене.

Компот («взвар», «узвар») также являлся обязательным напитком на рождественском столе. Варили его из сушеных ягод (смородины, малины, клубники) с добавлением покупных сухофруктов (яблоко, груша, урюк). Помимо

кутью и компота потомки полтавских переселенцев ставили на стол ягодные (из смородины, клубники, земляники) и молочные кисели, пирожки с морковью, тыквой, фасолью, горохом, капустой, ягодами, ливером (рубленные вместе печень, легкие, почки), творогом, вареники с капустой, сыром, колбасу, сало, жареное мясо, круглое печенье, посыпанное ягодами и монпасье. Любили украинцы в сочельник поесть «квашу», своеобразное пюре из сваренных зерен ржи (предварительно пророщенных) и сушеных ягод.

Пища потомков западных украинцев (волинских и закарпатских) несколько отличалась от пищи полтавчан: кутья («пшэницэ») подавалась с грецкими орехами, маком и медом, голубцы готовились с рисом (без мяса), обязательно ели «студэнэц» из свиных ножек и ушек с хрящиками, а также — подквашенный «бурак» (свеклу) с отварными грибами, чесноком и подсолнечным маслом. Обязательным блюдом являлась «пэччя»: в отвар грибов всыпалась подсушенная на сковороде мука, все это заправлялось растительным маслом с чесноком или луком. На «сладкое» подавали вареники с маком, повидлом, черносливом и «мадывнек» — слоеный песочный пирог с повидлом (Зап. от Анны Ивановны Любашенко, 1952 г. р. (урож. д. Омгортон Знаменского р-на Омской обл.), г. Тара, Омская обл. Соб. Т. Н. Золотова. 2005 г.) [ПМА. 2005. Т. 1].

У потомков волинских украинцев считалось обязательным наличие на столе двенадцати блюд, среди которых должны быть две булки круглого хлеба. Перед трапезой хозяин дома ложкой перекрещивал кутью. Не допускались мясные блюда, но обязательно должен был быть чеснок для здоровья всех членов семьи. Любимым обрядовым печеньем у волинцев были «бублыки», испеченные из пресного, круто замешенного теста на основе муки, яйца, воды, с добавлением простокваши, сахара и соли. «Бублыков» стряпали много и замораживали на холоде. На столе после трапезы оставляли часть продуктов, в числе которых обязательно были хлеб, сахар и соль.

Обязательным, сохранившимся долгие годы обычаем являлось посещение детьми «старых родителей» (бабушек

и дедушек), а также крестных родителей, которым носили «вечерю» — собранный в узелок ужин, состоящий из кутьи и стряпни. Отделяя часть принесенной кутьи, бабушка (или крестная) добавляла свою кутью, наделяла детей подарками — чаще всего домашними булочками, иногда — конфетами, ленточками, копеечками. Так обходили с кутьей несколько намеченных для посещения домов и съедали ее в последнем доме.

Спать в рождественскую ночь запрещалось, а необходимо было предаваться молитвам и готовиться петь «рожэсво». Рано утром в Рождество ходили «славельщики», взрослые и дети, которые «рожэсовали» — славил Христа. Для этого изготавливали из дерева звезду, которую окрашивали в красный или золотистый цвет, к концам ее крепили по несколько палочек, которые символизировали лучи, внутри звезды горела свеча. Дети старались пойти первыми, так как «*первым подавали больше, а маленьких (лет с четырех) вели оттого, что их больше всего награждали, потому что Рождество — это праздник младенчества. Отдавали предпочтение мальчишкам*» (Зап. от Петра Федоровича Рыженко, 1928 г. р. (урож. с. Марковка Павлодарского уезда Семипалатинской обл.), с. Победа, Целинный р-н, Алтайский край. Соб. Т. Н. Золотова. 2003 г.) [ПМА. 2003. Т. 1].

Повсеместно пели рождественский тропарь, но иногда «рожэсво» начиналось словами рождественского тропаря, а заканчивалось традиционной «щедривкой»:

*Рождество твое, Христе боже наш,
Дай, Бог, пшеницу и всякую пашницу,
В печи галушки, пироги, ватрушки!
Выйди, господарь,
Подывься на кошару:
Там овечки покотылись,
А ягнечки пояньлись!*

(Зап. от Евдокии Романовны Жирновой, 1940 г. р. (урож. с. Одесское), с. Желанное, Одесский р-н, Омская обл. Соб. Т. Н. Золотова. 2002 г.) [ПМА. 2002. Т. 1].

Поскольку вечер перед Рождеством еще называли «колядою», то «славление» перемежалось с «колядованием» и

«щедрованием», в котором обычно принимали участие подростки 10—12 лет. Они группами по несколько человек бегали по дворам и пели колядки — короткие песенки-благопожелания, за что получали от хозяев конфеты, всякую стряпню («пэчане») и даже мелкие деньги. Когда приходили «нареченные» (пара, которая должна была пожениться), хозяйка подавала один подарок на двоих как символ единства (по свидетельству П. Ф. Рыженко). Необходимо отметить, что, по словам одних информантов, исполнение обрядов колядования и щедрования развдилось по времени (колядование на Рождество, щедрование — на Новый год), по словам других, колядки и щедрилки могли исполняться одновременно, как на Рождество, так и на Новый год. В некоторых местностях существовал запрет щедровать взрослым до полуночи 31 декабря, когда могли ходить только дети. Если все же взрослый щедровальщик нарушал этот запрет, его сажали на шкуру на порог и говорили: «*Ты че пришел, горе мне принес?*» (Зап. от Е. П. Орловой, см. выше). Дети пели детские колядки:

*Колядын, колядын!
Я у батька одын.
Мэнэ батька послав,
Шоб я гроши достав!*

(Зап. от Веры Трофимовны Буцик, 1922 г. р. (урож. д. Тургеневка Калачинского р-на Омской обл.), г. Тара, Омская обл. Соб. Т. Н. Золотова. 2005 г.) [ПМА. 2005. Т. 1].

*Коляд, коляд, колядын,
Я у батька одын —
По колено кожушок,
Дайтэ, тетка, пятачок!
Не дастэ пятака —
Возьму корову за рога,
Выведу за парик,
Выломаю ей рик!
Не дастэ ковбасу —
Я всю хату разнесу!*

(Зап. от Нины Ивановны Мельниковой, 1942 г. р. (урож. д. Белики Русско-Полянского р-на Омской обл.), с. Новосанжаровка, Русско-Полянский р-н, Омская обл. Соб. Т. Н. Золотова. 2008 г.) [ПМА. 2008. Т. 3].

*Коляд, коляд, колядница,
Добра з маком поляница,
А без мака не така,
Дайтэ, дядька, пятака!
Не дастэ пятака —
Возьму быка за рога,
А кобылку за чубрынку,
Поведу на могылку,
А с могылки на чучок —
Дайтэ, дядька, пятачок!*

(Зап. от Марии Степановны Корнищенко, 1926 г. р. (урож. д. Дробышево Нововаршавского р-на Омской обл.), с. Русановка, Нововаршавский р-н, Омская обл. Соб. Т. Н. Золотова. 2008 г.) [ПМА. 2008. Т. 3].

*Я малэнький пахомок
Родився у вивторок,
А в сэрдэу рано
Мэнэ в школу отдано.
Я иду — плачу,
Стэжки не бачу,
Чэрэз парик ступаю,
Вас с праздником поздравляю!*

(Зап. от Валентины Васильевны Даниленко. 1939 г. р. (урож. д. Назаровка Павлоградского р-на Омской обл.), с. Благодаровка, Павлоградский р-н, Омская обл. Соб. Т. Н. Золотова. 2008 г.) [ПМА. 2008. Т. 1].

В щедривках, как и в колядках, звучала просьба о дарах:

*Щэдрик-вэдрик,
Дайтэ варэник,
Грудочку кашки,
Кусочек ковбаски!
Як все не донесу,
Так дайтэ цэлу ковбасу!
Добавьтэ кусочек
С коровий носочек!*
(Зап. от П. Ф. Рыженко, см. выше).

У переселенцев из Полтавской губернии эта щедривка звучала в другом варианте:

*Щэдрик-вэдрик,
Дайтэ варэник,
Грудочку масла,
Кильцэ ковбаски,
Мирочку жита,
Шоб коза сыта,
Решето вивса —
Вот щедривка вся!*
(Зап. от Н. И. Мельниковой, см. выше).

Эта щедривка, видимо, имела повсеместное распространение, поскольку была зафиксирована не только у полтавских переселенцев, но и у харьковчан [Иванов 2007, 60].

Наиболее распространенной являлась следующая щедривка:

*Щедривочка щедрувала,
Пид виконцэ припадала:
Чи ты, титко, наварыла.
Чи ты, титко, напекла —
Неси нам до викна —
Ни щипай, ни ломай
По цэлэньку давай!*

(Зап. от Н. И. Мельниковой, см. выше).

В некоторых селах колядовать ходили с деревянной звездой, украшенной разноцветными лентами и со свечкой внутри. У черниговских украинцев была распространена коляда «А у поли-поли сам плужок ходэ», а также — «Коляд-коляд-колядница». Они брали с собой скрипку и балалайку, пели:

*Коляд-коляд-колядница!
Добра з медом поляница.
А без меда не така,
Дайтэ, тетка, пятака.
Не дастэ пятака —
Возьму быка за рога,
Уведу на толчок
Да и продам за пятачок!
А в печи галушки,
Пирого, ватрушки.
А вы, тетка, доставайте
Да по цэлэнькому давайте!
Пока тетка донесла
Ручки, ножки попэкла!*
(Зап. от Е. Р. Жирновой, см. выше).

Похожая колядка была записана в Приобье от полтавских переселенцев [Фурсова 2004, 27].

«Щедровиков» («щедровщиков», «щедриков», «щедровальщиков») угощали всем, что было настряпано к празднику. Если дети приходили к своим родственникам, то бабушка, как правило, наделяла подарками внучек (чаще всего это были ленты, полушалки, бусы), а дедушка одаривал внуков (игрушками или инструментами) (по свидетельству М. В. Волошиной).

Потомки галицких переселенцев пели коляду, прославлявшую Христа, на два голоса (женщина и мужчина):

*Нэбо и зэмля, нэбо и зэмля
Ныне торжествуют!
Ангэлы, люди, ангэлы, люди
Вэсэло празднуют!*

Припев: *Христос родивса,
В Бога воплотивса!
Ангэлы спевают,
Пастыри играют,
Пастыри играют,
Чудо-чудо повидают!
И мы рожданни,
И мы рожданни
Богу покландаймо!
Слава во вэшне
Ему заспеваймо!*

(Зап. от А. И. Любашенко, см. выше).

Потомки черниговских и таврических переселенцев на Алтае в ночь на Рождество жгли костры (край «хохловка» села Овсянниково Целинного р-на Алтайского края). Девушки, собиравшиеся замуж, прыгали через костер, а потенциальные женихи ловили их с другой стороны костра (Зап. от П. Ф. Рыженко, см. выше). Прыгали через костер и парни, и дети. Строили горки и катались с них на санках гурьбой, человек по двадцать.

Колядование и щедрование часто сопровождалось ряженьем. Ряженных на Алтае называли «гаерами». Этимология последнего названия связана, вероятно, с украинским словом «гай», что значит «шум», «крик». В. И. Даль разъяснял это слово следующим образом: «Гаер (гаерка — ж.) — шут в народных играх, который смешит людей пошлыми приемами, рожами, ломаньем; арлекин, паяц, площадной шут» [Даль 1956, 340]. У сибирских украинцев, как и у русских старожилов-сибиряков, существовало несколько видов ряженья: зооморфное, антропоморфное и «нечистая сила». В отличие от русских сибиряков украинские переселенцы не наряжались в «покойников». Поскольку обряд колядования имел продуцирующую семантику, наиболее распространенным был зооморфный вид ряженья, представленный костюмами козы, медведя, собаки, свиньи, журавля, гуся, курицы, барана, лисы, волка, зайца.

У черниговских и полтавских переселенцев водили «козу», голова которой изготавливалась из дерева или тряпок,

а к ней крепились настоящие (реже — деревянные) рога и борода из кудели. Тело покрывалось козлиной шкурой, вывернутым тулупом или куском льняного полотна. Водил «козу» за веревочку «хозяин», она «мекала», скакала, брыкалась, поддевала всех рогами, стаскивала со стола пироги, а колядовщики пели песню, в которой подчеркивалась важность, расписывались «достоинства» главного обрядового персонажа и требовалось вознаграждение:

*Мы не сами идем,
Мы козу ведем!
А коза не проста —
Золотые рога,
Золотые копытца,
Полно вымя молока!
Дай-ка, дядька, пятака!*

(Зап. от Е. Р. Жирновой, см. выше).

Потом «коза» вдруг падала и все кричали: «*Ой, сдохла коза!*» Хозяин при этом говорил: «*Дайте ей кусок сала, шоб она встала!*» (Зап. от Н. И. Мельниковой, см. выше).

Антропоморфное ряженье также было разнообразным: чаще всего в этом виде ряженья были представлены костюмы старика и старухи, а также цыган. «Гаерить» ходили и молодежь, и взрослые, и старики. В соответствии с этимологией слова гаеры старались произвести как можно больше шума. Обязательно исполняли непристойные частушки под гармонь. Здесь главным достоинством являлась импровизация: «*Пусть нескладно — зато здорово!*» (Зап. от П. Ф. Рыженко, см. выше). Для создания большего шума во время ходьбы и пляски женщины связывали веревкой деревянные и железные ложки и подвешивали их под юбку. Превращение в страшную старуху («Бабу-ягу») достигалось тем, что в рот вставлялся картофельный зуб, на тело надевалась «теплушка» (меховая жилетка), на голову повязывался платок с узлом на лбу. Костюм «цыганки» состоял из широкой цветастой юбки и тряпок, привязанных на пояс, создававших эффект веера при кружении. Обязательным атрибутом «цыганки» являлись бусы, которые делались из фольги, бисера или разноцветных пуговиц. Распущенные волосы повязывались сверху платком, а в руках непременно находились карты, кото-

рые цыганка использовала для «ворожбы». «Бабой-ягой» и «цыганкой» часто одевались и мужчины, что свидетельствовало о широком распространении явления травестиизма.

«Нечистой силой», «чертом» наряжаться боялись, но, тем не менее, демонологические персонажи всегда были представлены в ряжении. Баба-яга, собственно, уже являлась персонажем переходным от антропоморфного ряженья к «нечистой силе». Чтобы превратиться в «нечисть», чаще всего вымазывали лицо сажей или изготавливали специальные маски из бересты, картона, в которых вырезали нос, глаза и рот. На голову прикрепляли рога и льняные волосы, к спине — хвост. В рот вставляли картофельные зубы, на тело надевали вывернутые шубы, шкуры, тряпье, нарезанную бумагу. На голову иногда надевали вычищенную изнутри тыкву с вырезанными глазами, носом, зубами. Обязательным атрибутом ряженных являлись бубны, балалайки, гармошки, мандолины, дудочки из стебля подсолнуха, стиральные доски, ведра, «затулы» (печные заслонки) и рубели, по которым били деревянными ложками.

В традиционной культуре существовало две формы святочного ряженья: обходная и посиделочная (вечерочная). Обходной ритуал совершался по всем домам селения в ночь перед Рождеством или Новым годом, иногда совмещаясь с колядованием и славлением. Посиделочная форма ряженья являлась элементом святочных молодежных вечеров («вечорниц»), когда молодежь (чаще из числа участников вечерки) специально готовила костюмы к определенному вечеру [Золотова 2008б].

Особенностью вечера накануне Нового года, так называемой «щедрой кутьи», в некоторых украинских селах был обряд, носивший название «вождение Мэланки». 31 декабря (по старому стилю) — день святой Малании, имя которой в народе переводили, как «милая людям».

Мэланкой девушки-подростки или молодые женщины выбирали самую красивую подругу (соответственно этимологии слова «милая») и наряжали ее «как невесту» (существовали варианты ряженья): корсет с выбивкой или вышивкой по вороту и груди, запашная юбка (плахта), «сачок» (длинный жи-

лет), веночек с восковыми и бумажными цветами, разноцветными атласными лентами или фатой из марли, сверху — полушубок или пальто. Такой обычай сохранялся у полтавских, херсонских переселенцев, потомков донских казаков и выходцев из Екатеринославской губернии (Богодуховка, Назаровка, Абрамовка, Логиновка, Хорошки Павлоградского р-на, Благодаровка, Ганновка Одесского района, Белики, Голубовка, Степановка, Жуковка Русско-Полянского р-на). У волинских украинцев Мэланкой называли обвитый цветной бумагой посох, идентичный свадебному «гильцу», сверху украшенный колокольцами и бумажными цветами. Этот «посох» («веточку») носил молодой мужчина или парень, одетый в белое платье и веночек (Зап. от Светланы Васильевны Ермак, 1955 г. р. (урож. д. Горошино Кормиловского р-на Омской обл.), с. Царицыно, Калачинский р-н, Омская обл. Соб. Т. Н. Золотова. 2009 г.) [ПМА. 2009. Т. 1].

Девушки стучали в окно и спрашивали у хозяев: «Вам замэланковать?» Хозяйка отвечала: «Заходьте, мэланкуйте!» Девчата входили в дом и исполняли песню:

*Мэланка ходыла,
Васыльку просыла:
«Васылько, мий батько,
Пусты мэнэ у хатку.
Я жито не жалала —
Золотый крест держала,
Золотую кадильницу!»
Кадытэся, люди —
Нынче праздник будэ!*

(Зап. от Натальи Никифоровны Ивановой, 1929 г. р., с. Кохановка Павлоградский р-н, Омская обл. Соб. Т. Н. Золотова. 2008 г.) [ПМА. 2008. Т. 1].

В Ольвиополе (Полтавский р-н Омской обл.) «мэланковали» только замужние пары, здесь Мэланкой была молодая женщина в свадебном платье (обязательно светлом), венке с восковыми цветами и пышной марлевой фате. «Васыля» наряжали как «молодого» (жениха) — в фуражку с цветком. Сопровождавшие Мэланку и Васыля женщины были покрыты нарядными «хустками» (шерстяными или шелковыми платками). В руках носили звезду со свечой внутри.

В некоторых селах Васылем наряжали женщину: брюки, сорочка, кирзовые сапоги, на голове фуражка с цветком, а сверху — шинель (с. Ольгино и Новосергеевка, Полтавский р-н, Омская обл.). В Благодаровке «женихом» наряжали и парубка с квиткой на шапке, в вывернутом мехом наружу кожухе, подвязанном вышитым полотенцем. Здесь собиралась большая разновозрастная и разнополая группа (20—30 человек от 7—8 лет и старше), одетая в самые разнообразные костюмы с полотняными сумками через плечо для сбора подарков (пирогов, сала, самогонки и др.) (Зап. от Валентины Васильевны Даниленко, 1939 г. р. (урож. д. Назаровка Павлоградского р-на Омской обл.), с. Благодаровка, Одесский р-н, Омская обл. Соб. Т. Н. Золотова. 2008 г.) [ПМА. 2008. Т. 1].

В Кохановке у полтавских переселенцев сохранились легенды о «пребогатой женщине Мэланье», которая жертвовала деньги на церковь, и замужние женщины «спивали» о ней песню:

*Мэланья пребогатая,
Дала на цэркву серебра-злата,
Золотом цэркву обвивала,
Нищих-убогих надиялла.
Надили ж, Боже, того статку,
Малых детей, щей и хозяйку!*
(Зап. от Н. Н. Ивановой, см. выше).

В Богодуховке переселенцы из Харьковской губернии Мэланкой наряжали мужика: на голове платок «кветатый» (цветастый), на теле — юбка, и обязательно нашивали красную латку (заплатку), в руках — рушник. Рядом шел «Васьлька» — женщина в рубахе, штанах и мужской шапке. При этом пели:

*Мэланка ходыла,
Васьлька водыла.
«Васьлька, мой батько,
Пусты мэнь у хатку.
Я жито жала,
Золоты снопы вязала,
Золоту кадыльницу держала».
Кадытэся, люди!
О всем Христос-бог избудэ.
Богу свечу ставьтэ,
А нам калач дайтэ.
Не лупайтэ, а цэлэньким давайтэ!*

(Зап. от Марии Трофимовны Радченко, 1922 г. р. (урож. д. Юрьевка Павлоградско-

го р-на Омской обл.), с. Богодуховка, Павлоградский р-н, Омская обл. Соб. Т. Н. Золотова. 2008 г.) [ПМА. 2008. Т. 1].

«Мэланкование» как обряд, в котором принимали участие женщины, заканчивалось к полуночи 31 декабря, поскольку рано утром 1 января первым в дом должен был войти мужчина (считалось, что женщины приносят в дом несчастье, поэтому 1 января они до полудня вообще не выходили из дома). Трансформацию этого обряда во второй половине XX в. мы рассмотрели ранее [Золотова 2008а]. Аналогии прииртышской Мэланки в Западной Сибири наблюдаются у приобских украинцев, полтавских переселенцев [Фурсова 2002, 161; Фурсова 2004, 28].

В Васильев день, 1 января, с утра начинали ходить мужчины — «сияльшыки», которые, рассеивая зерно, приговаривали:

*Сею, вею, посеваю,
С Новым годом поздравляю!
Рады, Боже, жито, пшелицу
И всякую пашницу,
Рады рожь ще и овэс,
Щоб зибрался рид у вэс!*
(Зап. от В. В. Даниленко, см. выше)

Посевать нужно было обязательно у порога и на стол. Зерно это не убирали три дня, а потом его заматали и отдавали курам.

В ночь на Новый год молодежь «шкодничала»: закрывали трубы, примораживали или прикручивали проволокой двери, снимали ворота с петель, затаскивали сани на крыши домов, пугали головами, вырезанными из тыквы, стучали привязанной к окну картошкой, выстилали дорожки из соломы от дома парня к дому девушки, с которой он собирался пожениться.

Ворожба как способ предсказания судьбы была широко распространена у девушек и парней украинских сел. Девичата кидали валенок через ворота: куда укажет носком — туда и замуж. Захватывали забор руками: четное количество тычин свидетельствовало о скором замужестве. Ловили овец в овчарне: баран — к замужеству, цвет шерсти — цвет волос будущего жениха. Слушали под окном: слова «иди», «беги» означа-

ли отъезд в другую семью. Спрашивали имена у первых встречных, веря, что это имя суженого. Падали в одних сорочках в снег и смотрели на утро на отпечатки: иссеченный означал несчастливую жизнь. На ночь клали под голову ключ и гребешок — должен был присниться жених. Гадали и с петухом, перед которыми ставили воду, деньги и зерно и смотрели, что он клонит. Существовало и «страшное» гадание с зеркалом. Многие виды гаданий совпадают с вариантами русских гаданий [Золотова 2002, 66—71]. Но вот интересные гадания, которые не встречались нам у русских. Ночью спускали ведро в колодец, называя имена потенциальных женихов: на чем имени ведро достигнет воды, тот и жених (Зап. от М. В. Волошиной, см. выше). У херсонских переселенцев девушки ворожили на шариках из теста, замешенного на воде, принесенной во рту из колодца в семь заходов: чей шарик собака схватит, та и замуж первой выйдет. Здесь же «жито сиялы»: *«На Андрэя ходылы жито сиять: на дворе зерно граблями снегом загрэблы со словами: “Андрэй, Андрэй, я жито сею, с кем век дожывать, приды жито жать!” Он, Андрэй, мне и прыснылся — пятьдесят лет живем»* (Зап. от Веры Иосифовны Дроздовой, 1936 г. р. (урож. д. Горошино Кормиловского р-на Омской обл.), с. Царицыно, Калачинский р-н, Омская обл. Соб. Т. Н. Золотова. 2009 г.) [ПМА. 2009. Т. 1].

Вечер накануне Крещения (18 января) называли «голодной кутей» (реже — «крещенским сочельником»), объясняя это тем, что «приходил кто-то голодный» и его угощали остатками кутьи, которая считалась главным блюдом крещенской вечера. В крещенскую ночь старший мужчина в доме всю ночь читал молитвы, а утром после завтрака, крестясь, произносили благодарственную молитву: *«Благодарим тебя, Господи, за хлеб, за сіль, за дар Божий! Всем святым, и Богу святому»*. На балке («сволоке», «матце»), на дверях, окнах (с трех сторон), в углах дома ставили кресты. Делали это мелом, углем, гвоздем или коптели дымом, как это было принято у харьковских переселенцев Богодуховки, где глава семейства коптил на «сволоке» целых три креста, с которых смывали копоть

только через три дня (Зап. от Ольги Нестеровны Марченко, 1922 г. р., с. Богодуховка, Павлоградский р-н. Омская обл. Соб. Т. Н. Золотова. 2009 г.) [ПМА. 2009. Т. 2]. Здесь же было принято печь кресты из пресного теста. У полтавских переселенцев считали, что закрепивать дом и сарай должен старший мужчина в доме с трехкратным приговором: *«Божья мать, Иисус Христос, сын Божий, храните мой дом и мужество в нем! Аминь»* (Зап. от Юлии Андреевны Лесной, 1939 г. р. (урож. аула Составмар Павлоградского р-на Омской обл.), с. Логиновка. Павлоградский р-н, Омская обл. Соб. Т. Н. Золотова. 2008 г.) [ПМА. 2008. Т. 1]. В Воронцовке херсонские переселенцы крестики рисовали углем или мелом только в красном углу над иконой. В Новосанжаровке кресты ставили в сочельник перед тем, как садились есть кутью, и делали это сначала в сарае, поскольку считали, что *«Христос сначала шел в сарай, потому что там все богатство»* (Зап. от Е. Ф. Орловой, см. выше). В Костюшино хозяин окуривал дом ладаном, как это было принято и у русских старожилов.

Освящение воды традиционно происходило на водоемах. Наибольшее количество различных поверий и традиций, связанных с освящением и использованием крещенской воды, существовало у полтавских переселенцев. Прорубь вырубали заранее, вырубленный изо льда крест поливали свекольным соком или свекольным квасом, чтобы он был красным. После прочитанных священником молитв и опускания креста в воду выпускали из мешка голубей и стреляли из ружья в воздух, объясняя это желанием отпугнуть волков (Зап. от Михаила Самойловича Шумейко, 1914 г. р., с. Ганновка, Одесский р-н, Омская обл. Соб. Т. Н. Золотова. 2002 г.) [ПМА. 2002. Т. 1].

В деревнях, где не было церквей и воду не освящали, ее набирали в лобом колодце в двенадцать часов ночи. За водой необходимо было идти молча, не оглядываясь, и набрать ее надо было успеть первым. Считалось, что воду должен набирать обязательно мужчина любого возраста. Так, в Явленно-Покровке крещенскую воду до восхода солнца приносил в дом мужчина, а хозяйка

зачерпывала ее кружкой через порог (Зап. от Анны Григорьевны Мазепы, 1937 г. р. (урож. д. Явлено-Покровка Павлоградского р-на Омской обл.), р. п. Павлоградка, Омская обл. Соб. Т. Н. Золотова. 2009 г.) [ПМА. 2009. Т. 2]. Воды из колодца брали столько, сколько зачерпнется в ведро, и набирать ее следовало из трех или из семи колодцев (Богодуховка). В Буняковке (Одесский р-н) принесенную воду оставляли на некоторое время на улице возле дома, а потом заносили ее и оставляли на ночь на «покути» (в красном углу). В Максимовке, когда набирали воду в двенадцать часов ночи, приговаривали: *«Земля Ульяна, вода Татьяна, а ключ Иван, дайте мне воды от всякой беды!»* (Зап. от Евдокии Ивановны Зобенко, 1929 г. р., с. Максимовка, Шербакульский р-н, Омская обл. Соб. Т. Н. Золотова. 2009 г.) [ПМА. 2009. Т. 2]. Другой вариант этого приговора: *«Колодец Иван, земля Татьяна, вода — Алена, дай воды от всякой беды!»* (Зап. от Ю. А. Лесной, см. выше).

Для предотвращения «порчи» воды, когда заносили ее в дом, ведро (или другую емкость) перекрещивали и клали сверху две палочки в форме креста. *«Вона будэ три года стоять и нэ помутнээ ничо. А сейчас кажну нидиллю свитят... Только на хрещенье можно було брать — раз в год. Мужики идут, вуши поотморозылы. Унас колок был километров шесть от поселка, так мужики идут и без шапок. Там единственный колодезь був, и там воду свэтят, а в котловане проруб прорубывалы и там воду свэтят. Это рано утром делали... Эту воду в Чистый четверг, когда во всех углах выметут, и побрызгают в углы»* (Зап. от Лидии Яковлевны Хоменко, 1932 г. р., с. Воронцовка, Полтавский р-н, Омская обл. Соб. Т. Н. Золотова. 2009 г.) [ПМА. 2009. Т. 2].

Крещенскую воду использовали в случае надобности для лечения, но считалось, что лучше ее пить три раза по три глотка каждое утро. «Святой» водой освящали жилища и хозяйственные постройки, обрызгивая все углы крест-накрест с приговором *«дай, Господи, добра и счастья»* или *«Господи, поможи мне, отведи мои грехи!»* (Зап. от Евгении Илларионовны Кацай, 1936 г. р. (урож. д. Котляровка Павлоградского р-на Ом-

ской обл.), р. п. Павлоградка. Омская обл. и от Е. Ф. Орловой (см. выше). Соб. Т. Н. Золотова. 2009 [ПМА. 2009. Т. 2]). У сибирских украинцев сохранялось разделение хозяйственных зон: женщина ставила кресты в доме, а мужчина — в сарае. Скот тоже необходимо было окропить водой. Существовало поверье, что нельзя выгонять скот первый раз на поля в тот день недели, в какой выпало Крещение.

В Воронцовке считалось, что на Крещение первой в хату должна была зайти женщина, в отличие от Нового года, когда первым в дом должен войти мужчина, чтобы принести в семью счастье. Женщину эту специально приглашали заранее.

На Крещение катались с горок, которые специально делали из снега. Бывали годы, когда снега наметало выше крыш, и горок делать не требовалось — катались прямо с землянок. Большие наметенные сугробы (высотой два-три метра) назывались «кучегурами» и также служили для катанья детворы. Для катания использовали замороженные из навоза круглые «грамаки». *«Это дюже традиция была страшна на Хрещенье. Это дюже-дюже отмечали раньше. Усе каталысь, и диты и взрослы»* (Зап. от Л. Я. Хоменко, см. выше). Устраивали «колэсо» на проруби: к столбу крепили колесо, в которое вставляли жердь, к ней крепили санки с одной стороны и несколько человек раскручивали ее по кругу — с другой стороны. Вероятно, эту традицию украинцы переняли у русских старожилов, у которых «карусьель» была распространена повсеместно. Крещенское катание «на конях» они также заимствовали у сибиряков.

На Крещение гадали о погоде: выгоняли корову к колодцу и смотрели: если быстро бежит, значит зима холодной будет. Разделяли фиолетовый лук на двенадцать отдельных чешуек, в которые насыпали соль: в какой чешуйке соль намокнет, тот месяц дождливым будет (Зап. от М. В. Волошиной, см. выше).

Крещение отмечали 19 января, в некоторых деревнях гуляли до 21 января, когда сибирские украинцы *«проводжали кутю (Святки)»*. В Котляровке, когда ели кутью, приготовленную на Крещение, говорили: *«Тикай кутя с покутя, а*

узвар — на базар» (Зап. от Е. И. Кацай, см. выше), что и означало завершение Святка, основными атрибутами которых были кутья и компот. В Богодуховке харьковские переселенцы кутью выгоняли на Крещение (19 января) вечером, когда приходили мужики и бабы, палкой стучали три раза снаружи дома по углу, в котором располагались иконы и в котором стояла приготовленная с сочельника кутья. При этом кричали: *«Пошла кутья из покутья!»*. *«Это ходылы жинки и мужики, со своим сидором, где вышивка и закуска. Хозяин зовет их у хату. До кумовьев и друзей ходылы»* (Зап. от Марии Савельевны Калашник, 1931 г. р., с. Богодуховка, Павлоградский р-н, Омская обл. Соб. Т. Н. Золотова. 2009 г.) [ПМА. 2009. Т. 2]. Провожать кутью собиралось, как правило, три-четыре семьи родственников, а когда они уходили, хозяева говорили: *«Ну вот, забрали Святки с собой до следующих Святков!»* (Зап. от М. В. Волошиной, см. выше).

Итак, святочные традиции сибирских украинцев в целом укладываются в восточнославянский цикл обрядов, связанных с периодом зимнего солнцеворота, и отражают сохранение древних представлений человека о бинарной структуре мира. На Святки, в переломный момент годичного цикла, когда границы между «своим» и «чужим» мирами нарушались, обрядовые действия должны были разрешить «конфликтную» ситуацию посредством обмена определенными ценностями между этими двумя мирами [Байбурин 1990, 4, 8]. Этим обусловлено важное место в святочном цикле обрядов славления, колядования, щедрования с обязательным одариванием пришельцев. Посланцы «с того света» — не кто иной, как умершие предки, которые, по древним представлениям, участвуют в жизни потомков. Отсюда большое значение таких обрядовых блюд, как кутья и взвар, необходимых атрибутов культа предков, и обязательное посещение с ними старших членов семьи — бабушек и дедушек.

В святочных обрядах сибирских украинцев сохранились отголоски продуцирующей и инициальной магии, что обусловило обилие праздничного сто-

ла с большим количеством обрядового хлеба и изделий из зерновых, символизирующих плодородие, круговорот жизни, возрождение. В ряжении, на наш взгляд, отразилась смена представлений о родовом предке: сначала это были животные (отсюда костюмы медведя, барана, козы), а затем — люди (маски старика, старухи, Яги) [Золотова 2002, 131]. Стремление ряженных одеться так, чтобы их не узнали, отражает древнейший смысл обряда — приобщение к «иному» миру. Маска «козы» оказалась полифункциональной, поскольку в традиционном мировоззрении славян коза является символом плодородия, одновременно имея ипостаси нечистой силы и оберега от нее [Славянская мифология 1995, 230]. Вариант обрядового травестизма, когда женщина одевалась Васyleм, а мужчина — Мэланкой, по мнению ряда исследователей, является наиболее древним и связан с магией плодородия [Украинцы 2000, 407—408]. Вербальный компонент обряда показывает степень значительной христианизации древнего обрядового действия.

В крещенских традициях сибирских украинцев прослеживается сохранение представлений о магических свойствах воды и огня, семантике порога как границе между двумя мирами, сакральном значении чисел «три» и «семь», обрядовом значении «кутного угла» для выпроваживания «гостей» и восстановления границ между «своим» и «чужим» мирами.

Следует констатировать, что к середине XX в. произошла значительная утрата традиционной семантики святочных обрядов и превращение их в развлекательно-игровые действия. Так, рассмотренные нами варианты существовавшего на территории Среднего Прииртышья обряда «вождение Мэланки» свидетельствуют о смешении разных ритуалов (мэланкования и посева, мэланкования и славления Христа), а большое количество поющих и пляшущих ряженных персонажей свидетельствует об утрате магических функций обряда и доминировании функций развлекательных. Тем не менее, сохранение парности персонажей — Мэланки и Васыля — свидетельствует о сохра-

нении брачной символики обряда и его связи с культом плодородия и инициальной магией.

Сравнение святочных традиций у различных групп украинских переселенцев показало, что в Западной Сибири больше всего сохранились и оказались наиболее ярко представленными традиции выходцев из Черниговской, Полтавской и Харьковской губерний.

Литература

Байбурин 1990 — *Байбурин А. И.* Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л., 1990. С. 3—17.

Даль 1956 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1956.

Документ, музейный экспонат 2011 — Документ, музейный экспонат, нарратив, письменный источник в культурном трансфере Сибири — Украина: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Томск, 21—24 ноября 2010 г. / под ред. Э. И. Черняка. Томск, 2011.

Золотова 2002 — *Золотова Т. Н.* Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX — XX вв.). Омск, 2002.

Золотова 2008а — *Золотова Т. Н.* Традиции святочного ряженья у сибирских украинцев // Этнография Алтая и сопредельных территорий: изучение, сохранение и презентация исторического, этнографического и культурного наследия: материалы VII международной научной конференции. Барнаул, 2008. С. 114—118.

Золотова 2008б — *Золотова Т. Н.* Сохранение традиционного украинского обряда «вождение Мэланки» на территории Омской области // Народная культура Сибири: материалы XVII научного семинара-симпозиума Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск, 2008. С. 243—247.

Золотова 2009 — *Золотова Т. Н.* Крещенские традиции сибирских украинцев // Народная культура Сибири: Материалы XVIII научного семинара-практикума Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск, 2009. С. 227—234.

Иванов 2007 — *Иванов П. В.* Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда Харьковской губернии / упорядкування та передмова М. М. Красикова. Харків, 2007.

Куды, доню, собираеся 2007 — Куды, доню, собираеся?.. Свадебная обрядность украинских переселенцев Омского Приир-

тышья / сост. Т. М. Репина, О. Г. Сидорская. Омск, 2007.

Материальная культура украинцев 2004 — Материальная культура украинцев в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея: каталог / сост. Т. М. Назарцева; отв. ред. П. П. Вибе. Омск, 2004.

Реммлер 1995 — *Реммлер В. В.* Украинцы в Сибири // Культура Сибири. Омск, 1995. № 1. С. 20—24, 53—57.

Сидорская 2009 — *Сидорская О. Г.* Свадебные венки украинцев Омской области (по материалам фольклорно-этнографических экспедиций 2005—2009 гг.) // Народная культура Сибири: материалы XVIII научного семинара-практикума Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск, 2009. С. 234—241.

Славянская мифология 1995 — Славянская мифология: энциклопедический словарь. М., 1995.

Трофимчук 2009 — *Трофимчук А. Ю.* Украинские переселенцы на территории Среднего Прииртышья // Народная культура Сибири: материалы XVIII научного семинара-практикума Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск, 2009. С. 242—245.

Украинцы 2000 — Украинцы. М., 2000. (Серия «Народы и культуры».)

Фурсова 2002 — *Фурсова Е. Ф.* Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX — XX вв.). Ч. 1. Обычаи и обряды зимне-весеннего периода. Новосибирск, 2002.

Фурсова 2004 — *Фурсова Е. Ф., Васехина Л. И.* Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX — первой трети XX века (по материалам Новосибирской области). Ч. 1. Новосибирск, 2004.

Сокращения

ПМА — полевые материалы автора.

Summary. *On the basis of ethnographic materials collected in areas densely populated by Ukrainians in the Omsk region and the Altai region the author reconstructs the Christmas rituals and customs that existed in the Siberian Ukrainians until the middle of the twentieth century. We consider the semantics of ritual action compared with the preservation of the traditions of immigrants from different provinces of pre-revolutionary Russia.*

Key words: *Siberian Ukrainians, calendar customs, holidays, traditions, semantics.*